

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800024638-7

К семантической типологии адъективной деривации в тунгусо-маньчжурских языках

© 2023 г. Н. Б. Пименова

Кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
n_pimenova@yahoo.com

Резюме. Статья посвящена разработке параметров исследования словообразования прилагательных с точки зрения семантической типологии. Рассматриваются основания семантической типологии словообразования и классификации производных прилагательных; показывается, что вследствие определенного “европоцентризма” параметры стандартных классификаций сдвинуты в сторону формально-содержательных образцов (формант ~ значение форманта). Тунгусо-маньчжурские языки демонстрируют возможность систем, в которых заметную роль играет корреляция между (специализированным) формантом с общим значением ‘признака’ и ограниченным семантическим классом основ. Особый типологический интерес представляют принципы семантической селекции основ. В тунгусо-маньчжурских языках прослеживается своеобразная специализация суффиксов на основах с “перцептивными” признаками (‘цвет’, ‘вкус’, ‘запах’ и т.п.), а также на основах с другими видами “ядерной” адъективной семантики. Прослеживается дистрибуция отдельных характеристик тунгусо-маньчжурского словообразования внутри языковой подгруппы и на ареальном фоне.

Ключевые слова: типология словообразования, прилагательные, семантические классы производных прилагательных, словообразовательные типы, системная продуктивность, прилагательные “ядерной” семантики, тунгусо-маньчжурские языки.

Для цитирования: Пименова Н.Б. К семантической типологии адъективной деривации в тунгусо-маньчжурских языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 1. С. 24–36. DOI: 10.31857/S160578800024638-7

On the Semantic Typology of Adjective Derivation in the Tungus-Manchu Languages

© 2023 Natalia B. Pimenova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
n_pimenova@yahoo.com

Abstract. The article deals with parameters for the study of adjectival derivation from the point of view of semantic typology. The bases of semantic typology of word formation and classification of derived adjectives are considered. It is shown that the parameters of “Eurocentric” standard classifications are shifted towards formal-content samples (derivative formant ~ formant value). The Tungus-Manchu languages demonstrate a possible system in which a significant role has the correlation between a (specialized) formant with a general meaning of ‘property’ and a limited semantic class of derivational bases. Of particular typological interest

are the principles of semantic selection of derivational bases. In the Tungus-Manchu languages, there is a peculiar specialization of suffixes on bases with “perceptual” features (‘color’, ‘taste’, ‘smell’, etc.), as well as on other core semantic types of adjectives. The distribution of individual characteristics of the Tungus-Manchu word formation within the language subgroup and against the areal background is traced.

Key words: typology of word-formation, adjectives, semantic classes of derived adjectives, models of word-formation, system productivity, core adjectives, Manshu-Tungus languages.

For citation: Pimenova, N.B. *K semanticheskoj tipologii adjektivnoj derivacii v tunguso-manchzhurskih yazykah* [On the Semantic Typology of Adjective Derivation in the Tungus-Manchu Languages]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 1, pp. 24–36. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800024638-7

I

В данной статье рассматриваются некоторые типологически своеобразные характеристики деривации прилагательных в тунгусо-маньчжурских языках. Как мы попытаемся показать, для выделения и корректного описания этих особенностей требуются адаптация и изменение существующих подходов к сопоставительному анализу и классификации производных прилагательных. Таким образом, в фокусе рассмотрения оказывается общая проблема типологического описания систем словообразования прилагательных в языках мира. Типологически ориентированное изучение словообразования прилагательных оказывается актуальным еще и потому, что эта область словопроизводства оказывается гораздо менее изученной, чем достаточно хорошо описанные в сопоставительном плане подсистемы словообразования существительных и глаголов.

При анализе общих оснований типологических исследований словообразования нельзя не отметить, что в настоящее время типология словообразования только формулирует свои задачи как самостоятельной дисциплины (ср. пионерскую статью Ливио Гаэты “Словообразование и типология: Что есть языковые универсалии?” [1]). Показательно, что ни в оксфордском компендиуме по деривационной морфологии [2], ни в рецензированных энциклопедиях по словообразованию [3], теории словообразования и словообразованию в языках Европы [4] типологическим проблемам не уделяется самостоятельного внимания. По умолчанию предполагается, что разработанные в теории словообразования категории и исследовательский инструментарий достаточны для межъязыкового сравнения, выделения универсальных или частотных языковых особенностей, а также для постановки новых исследовательских задач.

Если отвлечься от техники применения формантов (фономорфологии морфемных швов и последовательности присоединения аффиксальных

морфем), то наиболее общий подход к описанию и сравнению словообразовательных систем заключается в выделении набора формантов (и схем словосложения) и набора значений, ими выражаемых. Именно этот подход “поставляет” сопоставимые единицы и категории для семантико-типологического анализа. Он позволяет установить наиболее частотные виды значений, выражаемых словообразовательными средствами в языках мира и очертить как область стандартных значений (“универсальных”, например, ‘производитель действия’, ‘инструмент’ и т.п.), так и относительно специфичных. Кроме того, в зону внимания семантической типологии попадают частотные семантические переходы, приводящие к полисемии формантов (в иной терминологии: к появлению дополнительных значений у словообразовательных типов), например: ‘имеющий что-либо’ (*рогатый*) > с дополнительным компонентом интенсивности признака ‘имеющий что-либо в высокой степени’ (*носатый*), ‘имеющий, характеризующийся чем-либо’ (*дуплистый*, *мозолистый*) > ‘похожий на что-либо, имеющий похожие свойства’ (*змеистый*, *творожистый*) и т.п.

Как некоторую основу для семантико-типологических исследований можно рассматривать, кроме того, концепции, исследующие распределение значений между словоизменительными и словообразовательными морфемами. Так, в известной “лексемно-морфемной морфологии” Р. Бирда (Lexeme-morpheme base morphology) выделяются универсальные грамматические функции, которые задействованы как в грамматической деривации (в словоизменении), так и в лексической деривации (т.е. в словообразовании) [5, с. 189]. Соответственно, предметом типологического интереса может быть то, каким образом обозначение данных универсальных функций (*субъект*, *объект*, *локация*, *путь*, *цель*, *материал*, *посессивность* и т.д., всего 44 функции) распределяется между словоизменением и словообразованием, между грамматическими и словообразовательными формантами (показателями)

в языках разных типов. Однако универсальные функции Р. Бирда, выражаемые словообразовательными средствами, с некоторыми оговорками сводимы к уже известным словообразовательным значениям, ср. посессивный генитив в сочетании *платок сестры* и *сестрин платок* с прилагательным принадлежности. Иными словами, с точки зрения словообразования выделение универсальных функций ориентировано на обычный формально-содержательный подход.

Этот вполне корректный подход, как мы планируем показать далее, может оказаться недостаточным при изучении языков разных типов. Во-первых, набор базовых словообразовательных значений и индуцированная им типология были сформированы при исследовании материала индоевропейских и затем некоторых других европейских языков. Поэтому основы применяемой методологии оказываются, условно говоря, “европоцентричными” (ср. энциклопедию словообразования, охватывающую материал языков Европы [4]). Критические недостатки этой методологии заключаются не в том, что из сетки привычных значений могут выпадать отдельные “лингвистические редкости”, т.е. специфичные значения, не встречающиеся в большинстве языков мира, а в том, что она не учитывает некоторые особенности, которые характеризуют другие уровни словообразовательных систем и, по-видимому, относятся к фундаментальным принципам организации этих систем. Недостаточность классических методов и параметров связана, в свою очередь, с внутренней противоречивостью их применения.

Вторая проблема становится очевидной при анализе классификаций стандартных словообразовательных значений прилагательных. Продемонстрируем это на примере перечня классов производных прилагательных, приведенного в оксфордском компендиуме по деривационной морфологии (автор главы – А. Фабрегас [6]).

Общепринятая номенклатура словообразовательных значений отглагольных прилагательных отсутствует¹, однако в зоне отглагольного производства прилагательных, наряду с “адъективными причастиями”, очевидным образом выделяются такие частотные классы, как прилагательные предрасположенности (dispositional adjectives), обозначающие склонность к действию или подверженности процессу (*забывать* > *забывчивый*), прилагательные потенции (potential

adjectives), обозначающие способность вызывать события (португ. *solve* ‘растворяться, растворять’ > *solvente* ‘растворяющий’), прилагательные пассивной модальности (modal passive adjectives), обозначающие возможность или необходимость подвергнуться процессу (*читать* > *читательный*).

В набор деноминальных качественных прилагательных включаются качественно-посессивные прилагательные (qualitative possessive adjectives), характеризующие носителя по снабженности чем-либо (обладанию, ср. рус. *рогатый*, *женатый*), прилагательные активности (activity adjectives), обозначающие характерное поведение лица (швед. *skoj* ‘шутка’ > *skojig* ‘веселый’²), симилятивные прилагательные (similative adjectives), обозначающие подобие (польск. *dziecko* ‘child’ > *dziecinny* ‘ребяческий’ в значении ‘подобно ребенку’), активные деноминальные прилагательные (active denominal adjectives), обозначающие способность производить или вызывать названное основой (баск. *hidratatze* ‘увлажнение’ > *hidratatzaile* ‘увлажняющий (крем)’), прилагательные характерного состояния (characteristic state adjectives), обозначающие склонность к нахождению в состоянии, названном основой (каталан. *por* ‘страх’ > *poruc* ‘пугливый’).

Как распространенный класс упоминается, далее, вид относительных и качественных прилагательных со значением общего (семантически неспецифицированного в самом форманте) отношения к признаку, обозначенному производящей основой, ср. *economy* ‘экономика, экономика’ > *economic* ‘экономический’ (*economic problem* ‘экономическая проблема’), *space* ‘пространство’ > *spacious* ‘просторный’, примеры из [6, с. 279]. Среди относительных прилагательных со специфическим значением А. Фабрегас называет относительные посессивные прилагательные (relational possessive adjectives), выражающие принадлежность (*отцов*), и демонимы (demonyms), т.е. прилагательные от топонимов, выражающие отношение к некоторой территории (происхождение). Кроме того, в номенклатуре производных прилагательных отдельно упоминаются прилагательные оценочные.

Набор упоминаемых классов представляется явно ограниченным, например, в нем нет достаточно распространенного класса прилагательных, обозначающих отношение к веществу, материалу (изготовленность из материала). Эта ограниченность, как нетрудно заключить, в первую очередь связана с тем, что в набор включаются

¹ Так, несколько отличаются обозначения классов производных прилагательных в [2] и [4].

² Здесь и далее примеры отглагольных классов по А. Фабрегасу.

те прилагательные, для которых “прирост значения” к производящей основе, возникающий именно за счет присоединения форманта, очевиден. Не совсем логичное появление демонимов (оттопонимических прилагательных) в этом списке представляет собой исключение, поскольку в семантику производных в этом случае вносит решающий вклад именно значение самой производящей основы (значение ‘территория, область’ логичным образом дает семантику прилагательного ‘признак, имеющий отношение к территории, области’ > ‘происходящий с территории’).

Трудность выделения словообразовательных классов на основе прозрачного принципа ‘*формант*’ ~ ‘*значение форманта*’, как можно видеть, создается композициональностью семантики производных слов (семантика базы плюс значение форманта ~ типа), неочевидностью связи их лексического значения со словообразовательным значением формантов (словообразовательных типов). Эта осознаваемая проблема отражена в параграфе “Что лежит в основе классификации?” (16.2.1. Where Does the Classification Come from? [6, с. 281]).

Однако в данном разборе упускается существенный аспект: организация системы может быть рассмотрена не только с точки зрения семантики итоговых классов и подклассов производных, но и с точки зрения семантических классов производящих основ, участвующих в словообразовании по тем или иным типам. В этом случае предметом рассмотрения может стать то, насколько ограничен семантически состав основ, “используемый” словообразовательными типами с определенным формантом. Такой подход применим как для словообразовательных типов, где формант привносит в итоговую семантику специфическое значение (ср. перечисленные выше классы прилагательных, приводимые в оксфордской “Деривационной морфологии”), так и для случаев, где итоговая семантика существенно связана со значением основы, а формант выполняет функцию семантически почти опустошенного “адъективизатора” (‘характеризующийся отношением к тому, что обозначено основой’, ср. случай прилагательных “материала”). Исследовательские вопросы при данном ракурсе рассмотрения формулируются таким образом:

1) Можно ли в языке образовать прилагательное с данным значением от основ определенного семантического класса; например, можно ли образовать прилагательные “материала”, или в языке существуют другие способы обозначения “вещественного состава” объекта (сложные слова,

генитивные сочетания, изафетные конструкции)? Этот вопрос представляет общий интерес для анализа и словообразования, и словоизменения языка.

2) Имеются ли форманты (словообразовательные типы), которые используются исключительно при основах определенного семантического класса, т.е. своего рода специализированные форманты со специфической селекцией основ? Подобная специализация может встречаться лишь на ограниченных участках системы. Так, в русском языке прилагательные “материала” не имеют специализированного суффикса, но суффикс *-яни-* встречается только в прилагательных этого класса, образованных от единичных основ (морфологически — основ среднего рода с окончанием *-о*, ср. *деревянный*, *стеклянный*) [7, с. 712].

3) Имеются ли случаи, когда наблюдается более определенная корреляция между специализированным формантом и семантическим классом основ (словопроизводство с помощью форманта селективно использует некий семантический класс основ, полностью или в значительной его части)?

Использование в словопроизводстве основ с определенными свойствами (пп. 2 и 3) в теории словообразования дефинируется как “системная продуктивность” словообразовательного типа [8, с. 216–217]; мы будем называть системную продуктивность, ограниченную семантическими параметрами, также “(семантической) селекцией основ”. Отметим, что системная продуктивность определяется независимо от эмпирической продуктивности типа (его активности, т.е. возможности производить по нему новые слова) и независимо от того, являются ли производящие основы свободными или связанными (не встречающимися в каких-либо словах в свободном виде, без других словообразовательных формантов).

Пример четкой корреляции между специализированным формантом и классом основ (п. 3) — прилагательные “материала” в немецком и тунгусо-маньчжурских языках. В немецком языке суффиксы *-(e)n*, *-(e)rn* образуют прилагательные вещественного признака от основ со значением материала, ср. *bronzen* ‘бронзовый’, *steinern* ‘каменный’ [9, с. 124, 143]. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков для образования прилагательных материала используется специальный суффикс *-mV* (*-ма*, *-мэ*, *-мо*), ср. эвенк. *сэлэ* ‘железо’, *сэлэмэ* ‘железный’ [10, с. 220]; [11, с. 75]; [12, с. 86]; [13, с. 225]; [14, с. 248]; [15, с. 305].

Подобная селективная корреляция может быть историческим результатом маргинализации

словообразовательного типа. Так, немецкий суффикс *-(e)n* возводится к древневерхненемецкому суффиксу *-î(n)* словообразовательного типа с более общим значением “принадлежности” и относительной связи и, соответственно, с более широким выбором основ, ср. *lughîn* ‘лживый’, *menniscîn* ‘человеческий’ (примеры по [16, с. 203, 210]). Аналогичное сужение функций в диахронии теоретически не исключено и для тунгусо-маньчжурского *-mV* [10, с. 220].

По этой причине при анализе строения словообразовательных систем и выделении типологически релевантных признаков важно отличать частные случаи селекции основ (включая маргинализацию типов) от характеристик, свойственных целым участкам системы. Специализированное маркирование прилагательных материала, по-видимому, можно считать межъязыковой фреквенталией, поддерживаемой тенденцией к семантическому обособлению этого прагматически важного класса. Гораздо более интересны случаи, когда селекция основ оказывается более системной и когда она основана на семантических признаках, специфичных для языков определенной группы или языков определенного типа.

II

К таким случаям можно отнести тунгусо-маньчжурские производные прилагательные, обозначающие ‘цвет’, ‘внешние признаки предмета’ и признаки, воспринимаемые другими органами чувств. Само существование этих подгрупп производных и их состав рассматриваются в литературе, однако их укорененность в системе и типологическое своеобразие нуждаются в особом осмыслении.

У прилагательных цвета специализированные суффиксы выделяются в разных тунгусо-маньчжурских языках. В орокском ряд прилагательных цвета характеризуется суффиксом *-гда*, *-гдэ*, *-гдо*, ср. орок. *тагда* ‘белый’, *согда* ‘жёлтый’ [17, с. 61], в ороцком — *-гза(н)*, *-гзэ(н)*, *-гзо(н)*, ср. *сэгзэ(н)* ‘красный’ [18, с. 217], в нанайском — фонеморфологическими вариантами одного суффикса с историческим чередованием *-гдян/-гдюн/-гден/-гдён*, *-нгиан/-нгиэн*, ср. нан. *чагдян* ‘белый’, *нёнгиан* ‘голубой, синий, зелёный’ [10, с. 204]; в удэгейском — суффиксом *-лиги*, ср. удэг. *п’алиги* ‘черный’, *солиги* ‘белокурый, светлый’ [12, с. 86]; [19, с. 89], в эвенкийском — суффиксами *-ма*, *-рин*, ср. эвенк. *хулама*, *хуларин* ‘красный’, *конгномо*, *конгнорин*

‘черный’ [11, с. 76]; [20, с. 103, 112]³. Соответствующие базы представлены как свободными, так и связанными основами.

Специализация суффиксов на основах со значением цвета может быть в некоторых языках частичной. Структурно-морфемное примыкание к прилагательным цвета семантически близких нанайских *гэнгиэн* ‘прозрачный’, *гандян* ‘чистый’, по-видимому, не является отступлением от селективности основ, поскольку в данном случае в один класс попадают прилагательные, объединенные общим семантическим принципом ‘цвет’ ~ ‘лишенность специфического цвета’. Весьма показательно, что в орокском и эвенкийском языках в группу суффиксально маркированных прилагательных попадают прилагательные с таким же значением, ср. орок. *гэгдэ* ‘чистый, прозрачный’ [17, с. 61], эвенк. *багурин* ‘ясный’ [20, с. 103]. В то же время в удэгейском языке на фоне десятка прилагательных цвета с *-лиги* [19, с. 89] выделяются производные уже с более широким значением внешнего признака, ср. прилагательные формы *монтолиги* ‘круглый’ от *монто* ‘шар’ [12, с. 86]; в эвенкийском прилагательные с *-рин* могут обозначать форму или свойства поверхностей, ср. *наптар*, *наптарин* ‘плоский’, *тунгурин* ‘круглый’, *нилбирин* ‘скользящий’ [21, с. 19].

Особая ситуация наблюдается в орокском, где суффикс *-гда*, *-гдэ* фиксируется также в некоторых прилагательных, обозначающих иные физические признаки объектов, ср., напр., *хугдэ* ‘широкий’, *угдэ* ‘тихий’. Однако в этих прилагательных при образовании форм слова не выявляется суффикс *-н-*, как в прилагательных цвета на *-гда(н)*, *-гдэ(н)*, что дает возможность сделать вывод об омонимии формантов [17, с. 61]. Такая фонеморфологическая дифференциация семантических подгрупп позволяет говорить о внутрисистемной тенденции к структурно-морфемному обособлению прилагательных цвета.

Сами семантические “девиации” в большинстве случаев подчиняются очевидным закономерностям. Так, обращает на себя внимание семантическая связность центральных и периферийных прилагательных со смежными переходами ‘цвет’ > ‘свойства поверхностей’, ‘форма’

³ Дистрибуция прилагательных с суффиксами *-ма*, *-рин* в эвенкийском частично зависит от диалекта. Добавим, что в негидальском языке, по некоторым классификациям относимом в общую ветвь с эвенкийским, в ряде прилагательных цвета выделяется суффикс *-йи*, ср. *сиңайи* ‘желтый’, *чойи* ‘зелёный’ (данные словарей). Материал негидальского мы не включаем в связи с отсутствием достаточно подробного описания словообразования в негидальском языке.

(см. выше). Некоторые более существенные отклонения свидетельствуют об образовании отдельных словообразовательных подтипов. Так, в эвенкийском языке суффикс *-рин* является также формантом прилагательных, обозначающих свойства характера или физические свойства лица ('толстый', 'сутулый', 'энергичный') [21, с. 18]. В этом случае обособление семантического подтипа происходит за счет ономаσιологического принципа: разные по семантике основы коррелируют с разными по семантике производными а) 'свойства предметов' ~ 'цвет', 'форма и свойства поверхностей', б) 'свойства лица' ~ 'свойства характера и физические свойства лица'.

Заметим, что селективность основ не означает структурной гомогенности лексических групп прилагательных цвета: в эти группы могут входить непроизводные слова и слова с другими формантами. Так, в удэгейском языке наряду с десятком прилагательных на *-лиги* фиксируются *н'огдзо* (~*ньогдзо*, *нэгдзо*) 'синий', *чагдза* 'белый' (при варианте *чалиги*), *иңьяаңа* 'седой' (при вариантах *иңня*, *иңялиги*), *хакамаси* 'коричневый' и др. [22]⁴. На этом основании целесообразность словообразовательно-семантического принципа в классификации тунгусских прилагательных иногда оспаривается. В частности, Л.В. Озолина отвергает классификацию Т.И. Петровой орокских прилагательных [17, с. 56–62], которая строится с учетом семантики и суффиксального оформления [14, с. 249–250]. Однако гетерогенность оформления слов лексической группы не отрицает возможности рассмотреть "селективность" словообразовательных типов с точки зрения всей системы. Селекция производящих основ определяется не столько при рассмотрении лексических групп производных (хотя она и проявляется на уровне лексических групп), сколько при анализе системной продуктивности (селекции основ) словообразовательных типов. Важными параметрами здесь являются не только значительное количество слов лексической группы, образованных по одному и тому же структурному (словообразовательному) типу, но и степень семантического отбора основ, характеризующего соответствующий тип.

Особые словообразовательные типы, по которым образованы прилагательные цвета, как мы видим, есть в тунгусо-маньчжурских языках разных подгрупп (кроме маньчжурского, составляющего южную подгруппу, см. далее). При этом степень семантической гомогенности производящих

⁴ Примеры гетерогенности групп в эвенкийском см. в [20, с. 110], в нанайском см. в [10, с. 205].

основ этих типов (и производных прилагательных⁵) может быть выражена в различной степени, однако при всех девиациях семантический принцип организации системной продуктивности остается прозрачным за счет когерентности основной группы 'цвет' ~ 'свойства поверхностей' ~ 'форма' ~ 'внешний признак'.

Помимо маньчжурского, заметное отклонение от такого строения подсистемы наблюдается в эвенском языке (северная подгруппа), в котором семантическая селекция основ у типов, образующих прилагательные цвета, по всей видимости, существенно размыта. На это указывает расширение значения основ (и производных прилагательных) за пределы семантической сферы 'цвет, форма, внешние признаки' предметов к значениям любого физического и абстрактного признака (не только лиц, но и любых объектов). Суффиксами *-ня/-не* (*-н'а/-н'э*) в эвенском оформлены не только многие прилагательные (от связанных основ, соотносимых с глаголами), обозначающие цвет и внешнюю форму, ср. эвен. *хуланя* 'красный', *каптаня* 'плоский' [23, с. 99–100], но и прилагательные, обозначающие другие свойства, ср. *чутаня* 'влажный', *хенграня* 'тихий', *кулу́ня* 'несмышленный' (о детях), *чурпу́ня* 'выдающийся (о горе)' [Там же]. Словообразовательный ряд прилагательных с суффиксом *-ты* (*тй*), *-та/-тэ* включает, наряду с прилагательными цвета (и, специально, группой названий масти животных), обозначения других физических признаков, а также свойств лица, ср. *хулаты* 'красный', *нянты* 'серый' (масть), *бербаты* 'плоский', *чунгаты* 'голосистый', *чакуты* 'аккуратный', примеры по [23, с. 100]. На реликтовом уровне об исконной релевантности признака 'цвет и внешняя форма' в системе, возможно, указывают некоторые единичные суффиксальные образования. Так, Й. Бенцинг отмечает ряд членимых прилагательных со связанными (глагольными) основами, которые он относит к категориям 'внешний вид' либо 'цвет' ~ 'внешние признаки', ср. *nəbu-li*

⁵ В случаях, когда и производящая основа, и производное прилагательное обозначают один и тот же признак (например, признак цвета), суффикс выполняет роль своего рода адъективизатора, несущего самое общее значение 'обладающий признаком, обозначенным производящей основой', поэтому можно говорить и о "семантической гомогенности основ", и о "семантической гомогенности производных". Терминологическое различие основ и производных в некоторых случаях может иметь значение для отглагольных производных, ср. эвен. *каптаня* 'плоский', которое примыкает к прилагательным 'формы', но образовано от связанной основы, ср. *капта-л-дай* 'сплющить', *капта-р-дай* 'сплющиться' [23, с. 101].

‘косматый’, *buntu-li* ‘круглый’, *gelta-lra* ‘светлый’ и т.д. [24, с. 41].

Тем не менее, можно констатировать, что в целом ряде тунгусо-маньчжурских языков разных подгрупп существует единообразный принцип селекции основ. Сформулируем его еще раз: в каждом языке есть особый суффикс, оформляющий прилагательные цвета, и использование словообразовательного типа с этим суффиксом связано с кругом основ и прилагательных со значением ‘цвет’ ~ ‘внешние признаки’ или даже ограничено этим кругом. Это позволяет возводить сам данный принцип организации словообразовательной подсистемы — в силу его присутствия в родственных языках — к пратунгусскому или, по крайней мере, к части пратунгусских диалектов. При этом межъязыковое различие самих суффиксов может быть объяснено более поздней сменой формантов в разных языках, которая происходила при сохранении основного системного принципа.

Если рассматривать корреляцию “специализированных” суффиксов с семантикой ‘цвета’ ~ ‘формы’ ~ ‘внешних признаков’ изолированно, то ее можно было бы трактовать как результат случайной маргинализации исконного словообразовательного типа в доисторический период (подобно тому, как произошло сужение семантики типа прилагательных материала в немецком языке, см. выше). Однако аналогичный принцип мы находим и на другом участке системы, в производных прилагательных ‘вкуса’, ‘запаха’, ‘осязательных признаков’ (с тенденцией расширительного обозначения иных признаков, воспринимаемых органами чувств).

В нанайском языке непродуктивный суффикс *-си* засвидетельствован в некоторых прилагательных, обозначающих признаки вкуса и запаха, ср., напр., нан. *гочи*, *гочиси* ‘горький’, *амтаси* ‘вкусный’ (при *амтан* ‘вкус’), *хонгорси* ‘пахнущий гнилью, вонючий’ (при *хонгори-* ‘издавать запах гнили, гноя’) [10, с. 205]. В орокском суффикс *-вли/-ули* образует ряд производных, в число которых входят прилагательные вкуса, запаха, а также прилагательные, обозначающие другие “признаки, воспринимаемые органами чувств” [14, с. 51], ср. орок. *маңгавли* ~ *маңгаули* ‘крепкий, твердый, жесткий’ от *маңга* ‘крепкий, твердый, жесткий; крепко, твердо, жестко’, *дурули* ‘кислый’ при *дуре* ‘кисло’ (фиксируются также слова, обозначающие признаки ‘веса’, ‘температуры’) [14, с. 53]; [17, с. 59]. В ульчском тот же суффикс *-вли/-ули* производит слова, обозначающие признаки, доступные для осязательного восприятия (в источниках приводятся слова со значением ‘веса’, ‘температуры’),

ср. ульч. *нунди* ‘холод, мороз’ > *нундули* ‘холодный’ [13, с. 226]; [17, с. 59]. Кроме того, в орокском языке специализированный суффикс *-(у)си* выделяется в прилагательных от наречий “перцептивной” семантики, ср. наряду с прилагательным на *-вли/-ули* орок. *дурули* ‘кислый’ также *дуруси* от *дуре* ‘кисло’; *пақамуси*, *пақуси* ‘мрачный, темный’ от *пақа*, *пақам* ‘темно, сумрачно’ [14, с. 59], ср. аналогичную модель в орокском: *хакти*, *хактиси* ‘темный’ [18, с. 213]. Принадлежность производных с суффиксом *-ли* (**-си*) к группе слов, видимо, наречного происхождения, обозначающих перцептивные признаки, предполагается для удэгейского [17, с. 59], ср. *гилиһи* ‘холодный’, *хактиһи* ‘темный’, *бугдуһи* ‘скользящий’ (с формальным неразличением атрибутивного и наречного признака, примеры из [19, с. 89]).

Семантические отклонения от центральной семантики могут быть обусловлены производством от определенного морфологического класса основ. Так, в ульчском языке среди немногочисленных прилагательных, образованных от наречий, фиксируется обозначение абстрактного свойства ульч. *анана* ‘завидно’ > *ананавли* ‘хороший, редкий (достойный зависти)’ [13, с. 226]. В орокском языке суффикс *-вли/-ули* является также формантом отглагольных производных, часть из которых примечательным образом присоединяется к прилагательным “восприятия” (вкуса, запаха, звукового восприятия), ср., напр., орок. *ноккули* ‘пахучий, вонючий’ от *нокки-* ‘пахнуть, вонять’, *сидарули* ‘кислый, имеющий кислотатый вкус’ от *сидари* ‘жечь, саднить’ (примеры из [14, с. 55]). Некоторые из других производных этого ряда могут обозначать признаки, воздействующие на психическое восприятие или психические свойства лица, ср. орок. *сэбзэниули* ‘веселый’ от *сэбзэн-* ‘веселиться, радоваться’ [Там же], однако прилагательные с комбинированным суффиксом *-не(и)-ули* уже не могут быть отнесены к определенной семантической группе⁶.

Как и прилагательные ‘цвета’, прилагательные всей данной группы могут быть мотивированы связанными основами.

Очевидно, что вместе с прилагательными ‘цвета’ ~ ‘формы’ ~ ‘внешних признаков’ прилагательные

⁶ Не совсем корректно безоговорочное отнесение к прилагательным признаков, воспринимаемых органами чувств, прилагательных на *-ули*, образованных от разных частей речи, а также производных с суффиксом *-не(и)ули* [17, с. 59]. Образование от разных частей речи, строго говоря, разносит соответствующие производные по разным словообразовательным типам; отглагольные же производные семантически гетерогенны.

‘вкуса’, ‘запах’, ‘осязательных признаков’ (и других признаков, “воспринимаемых органами чувств”) свидетельствуют уже не о частных перераспределениях и сужениях функций словообразовательных типов, но об определенной системности, а именно об ориентации части словообразовательной системы на взаимосвязанные, “перцептивные” признаки.

В типологическом плане эти признаки можно соотнести, далее, с “ядерной”, прототипической семантикой прилагательных, в которой значения ‘цвета’ и других физических признаков предмета занимают важное место [25, с. 3–4], причем прилагательные ‘цвета’ обычно бывают представлены в языках даже с малыми (минимальными) наборами прилагательных [Там же].

Следует указать и на некоторые типологические параллели в словообразовательном обособлении (маркировании особыми деривационными средствами) “ядерных” прилагательных. Так, в языке папантла тотонак (тотонакские языки, центральная Мексика) все “базовые” цвета обозначаются прилагательными либо с редупликацией конечного слога, либо с суффиксом $-(n)k/q\lambda(\cdot)$ (основы не встречаются в свободном виде или в других словах), ср. *snapapa* ‘белый’, *smukuku* ‘желтый’, *cu'cu'qu* ‘красный’ [26, с. 158–159]. Те же словообразовательные средства маркируют некоторые остаточные членимые прилагательные, обозначающие физические свойства предметов (‘толстый’, ‘холодный’, ‘круглый’, ‘мягкий’), и единичные обозначения человеческих свойств характера [26, с. 159]. При этом ряд прилагательных ядерной семантики (‘температуры’, ‘величины’, ‘вкуса’, ‘возраста’) являются нечленимыми словами (симплексами) [26, с. 158, 163]⁷.

С тунгусо-маньчжурской системой эту систему сближают, во-первых, специальные способы деривационного маркирования ядерных прилагательных определенного семантического класса (при некоторых девиациях: при присоединении отдельных прилагательных с другими значениями) и, во-вторых, маркирование этих прилагательных по типу “классификатора” (в этом случае обозначение “классификатор” применимо как достаточно прозрачная лингвистическая метафора). Как маркирование по типу “классификатора” можно дефинировать случаи, когда словообразовательное средство (суффикс, редупликация и др.) не только закреплено за основами определенных

семантических классов, но и выполняет функцию семантически опустошенного “адъективизатора”; проще говоря, когда в языке существуют особые семантически опустошенные “адъективизаторы” для некоторого семантического класса основ или даже разных семантических классов основ.

Маркирование по типу “классификатора” обнаруживается и в других тунгусо-маньчжурских словообразовательных типах. По-видимому, реликтовой группой этого вида можно считать некоторые параметрические прилагательные, которые примыкают к условной группе “ядерных” прилагательных “внешнего признака” и характеризуются специальными суффиксами. Ср. с непродуктивным суффиксом *-ми* орок. *хуруми* ‘короткий’, *мõми* ‘толстый, коренастый’, *дарами* ‘широкий’ [14, с. 52, 249], нан. *нэмй* ‘тонкий’, *хурми* ‘короткий’, *нгоами* ‘толстый’ (о предметах) [10, с. 206]. В нанайском мы имеем дело не только с непродуктивностью типа, но и со связанными основами, не засвидетельствованными в других словах [Там же]. По утверждению Т.И. Петровой, эта группа прилагательных встречается почти во всех тунгусо-маньчжурских языках [17, с. 60], однако данные по другим языкам, кроме орокского, не уточняются. Небольшой ряд “параметрических” прилагательных на *-ми* в орокском приводится в “Грамматике орокского языка”, причем, кроме прилагательных размера, этот ряд включает и прилагательное веса [19, с. 214].

Примечательно, что “классификаторный” принцип организации словообразовательной системы распространяется на некоторые виды оценочного словообразования. Так, в орокском языке суффикс *-нго*, *-нгу*, по-видимому, вычленяется в прилагательных, обозначающих отрицательные признаки, названные основой, а суффикс *-нга*, *-нгэ* – в прилагательных, обозначающих положительные признаки, ср. орок. *коңго* ‘глухой’, *мукчунгу* ‘глухой’, но *манга* ‘сильный’, *улиңга* ‘хороший’ [17, с. 61]; [14, с. 56]. При этом в прилагательных, мотивированных глаголами, различие суффиксов нейтрализуется, и производные на *-нга*, *-нго*, *-нгу* обозначают отрицательный признак, ср. орок. *балиңга* ‘слепой’ при *бали* ‘ослепнуть, потерять зрение’, *салиңга* ‘сердитый’ при *сали* ‘сердиться’ [14, с. 249].

Напротив, для эвенского языка есть основания предполагать существование оппозиции ‘положительный – отрицательный признак’ в прилагательных, мотивированных глаголами. Прилагательные с суффиксом *-вгни* предположительно обычно обозначают “положительные качества” по действию, а с суффиксом

⁷ Адъективная деривация в папантла тотонак представлена и некоторыми другими моделями для параметрических и качественно-посессивных прилагательных [26, с. 161–162, 167–168].

-нгия/-нгие – “отрицательные качества по аналогичному действию”, ср. эвен. *одявнги* ‘бережливый’ от *одядай* ‘беречь’, *менгчивнги* ‘интересный’ от *менгчидай* ‘удивляться’ [23, с. 104], *муннгия* ‘гнилой’ от *мундай* ‘гнить’, *утнгия* ‘скрученный’ от *уттай* ‘скручивать’ [23, с. 103]. По интерпретации В.И. Цинциус, “внешние отрицательные признаки по аналогичному действию” обозначают и эвенские прилагательные с суффиксом *-ку*, ср. *тэжуку* ‘рваный’ при *тэкэлдэй* ‘рвать’, *тэкэрдэй* ‘рваться’, *чолбэку* ‘продырявленный’, *чолбэлдэй* ‘продырявить’, *чолбэрдэй* ‘продырявиться’, *хултаку* ‘просыпанный’, *хулталдай* ‘просыпать’, *хултардай* ‘просыпаться’ (из дыры в мешке) [23, с. 102]. Однако достаточно многочисленные прилагательные этой группы можно трактовать и как производные, образованные преимущественно от “деструктивных” глаголов. В этом случае близкую семантическую параллель представляют наинские прилагательные с суффиксами *-ки*, *-кэ*, мотивированные в основном по действиям, “нарушающим целостность предмета”, ср. нан. *бояка* ‘рваный’ (*боя-* ‘рваться, ломаться’), *лоптоака* ‘рвать’ (*лоптоа-* ‘оторваться, отделиться’) и т.п. [10, с. 202].

Кроме описанных случаев, “специализированные” суффиксы в тунгусо-маньчжурских языках существуют для образования прилагательных ‘времени’ и ‘места’ (в некоторых языках эти суффиксы эмпирически непродуктивны, то есть по ним не производятся новые слова) [10, с. 221]; [18, с. 214]; [11, с. 76]; [12, с. 88]; [13, с. 226]; [23, с. 111–112]. Обособление словообразовательных типов в этом случае поддержано производством не только от существительных со значением ‘времени’ и ‘места’, но и от соответствующих наречий. Суффикс, оформляющий небольшое количество “имен качества” с пространственным значением, есть и в маньчжурском языке (маньчж. *-рги*) [27, с. 134].

Рассматривая типологию адъективной деривации на ареальном фоне, мы должны отметить, что наиболее своеобразные черты тунгусо-маньчжурского словообразования не находят очевидных параллелей в соседних родственных языках алтайской семьи. Наиболее своеобразными характеристиками оказывается именно организация системы словообразования в сфере “ядерной” адъективной семантики, в особенности семантики “перцептивной”. При этом сам “классификаторный” принцип имеет на других участках словообразования довольно близкие соответствия, в частности, в монгольских языках той же алтайской семьи. Так, в монгольских

языках есть суффикс прилагательных со значением места и времени, ср. калм. *-к*, монг. бур. *-хи* [28, с. 253], а суффиксы калм. *-ха/-хэ*, монг. *-хай* *-хой/-хий*, бур. *-хай/-хэй/-хий*, по имеющимся данным, “прицельно” образуют прилагательные, обозначающие отрицательные свойства и качества (от наречий, глаголов) [28, с. 254].

При рассмотрении дистрибуции специфических признаков внутри самих тунгусо-маньчжурских языков обращает на себя внимание отсутствие выраженной селекции основ по “перцептивному” семантическому параметру в эвенском языке (представитель северной эвенской подгруппы). Таким образом, языки с “перцептивной” классификацией оказываются географически ближе к предполагаемой южной локации прародины тунгусских языков (предположительно в области озера Ханка) [29]. Это может говорить как об исконной релевантности “перцептивного” признака в тунгусских языках, так и о влиянии неизвестного субстрата на строение словообразовательной системы языка пратунгусов. В пользу предположения о древности данного признака могут говорить современные генетические данные об отражении в специфических гаплогруппах тунгусов древнейшего генофонда автохтонного населения в бассейне реки Амур [30].

Особое положение занимает маньчжурский язык (южная группа), в котором почти полное отсутствие классификаторного принципа (ср. выше прилагательные местоположения как исключение) находится в корреляции с общей размытостью значений неочечных словообразовательных типов “имен качества/признака” (о термине и категории см. [31, с. 14–155]; [27]): имена качества, включая имена с наиболее количественно продуктивными суффиксами *-нга/-нга/-нго* и *-хун*, чаще всего образуют производные с общим значением отношения к предмету или действию (причем эти производные могут принадлежать к категории как качественных, так и относительных, а также количественных) [27, с. 11–135].

III

Два подхода к рассмотрению словообразовательных типов: с одной стороны, обычный формально-содержательный анализ по значению, “добавляемому” формантом к значению основы, и, с другой стороны, анализ по семантической селекции основ с особым вниманием к развертыванию в системе “классификаторного” принципа, — снимают внутренние противоречия традиционной классификации значений производных прилагательных и в своей совокупности

компенсируют ее типологическую “недостаточность”. Между значениями, добавляемыми формантами к значению основы и, с другой стороны, выраженным классификаторным принципом (семантически опустошенные форманты-адъективизаторы, присоединяемые к основам разных семантических классов) можно условно поместить многозначные форманты, иначе говоря: форманты словообразовательных типов с разными подзначениями (дифференциация этих подзначений может зависеть от семантики основ). Серединное положение на такой шкале займут и такие аффиксы с предельно общим значением ‘признака, связанного с производящей основой’, которые не имеют классификаторных свойств, поскольку могут присоединяться к основам самых разных семантических типов (ср., напр., рус *-н-*).

Организацию системы словообразования с точки зрения селекции основ у словообразовательных типов (иначе: системной продуктивности типов, основанной на семантических параметрах), по всей видимости, можно рассматривать как особый типологический параметр и самостоятельный предмет исследования. Примерное представление о том, как может проявляться данный параметр в языках, устроенных иначе, чем тунгусо-маньчжурские, можно получить уже при первичном сравнении тунгусо-маньчжурского словообразования со словообразованием индоевропейских языков. В индоевропейских языках селекция основ, если она наблюдается, обычно основывается на более абстрактных, нередко категориальных признаках. Так, например, в русском языке с развитой системой словообразования прилагательных семантическая селекция основ фиксируется только для нескольких словообразовательных типов и основана на достаточно отвлеченных признаках. Прилагательные с *-ий* образуются преимущественно от одушевленных существительных, с *-ин* — от одушевленных, в первую очередь от обозначений лиц (и животных), с *-иный* — от обозначений животных, редко растений и предметов [7]. Некоторые типы с качественно-посессивным значением “отбирают” неодушевленные основы или основы с конкретно-предметным значением: это типы с суффиксами *-чат(ый)*, *-ист(ый)*, *-аст(ый)* [7]. Более сложный характер имеет системная продуктивность деноминального типа с суффиксом *-ск(ий)*: прилагательные на *-ск(ий)* образуются от имен (включая топонимы), названий профессий и других совокупностей людей, локативов (*типографский*), обозначений книг (*библейский*) и многих других подгрупп [7, с. 624–630]. В этом наборе лишь отчасти прослеживается “аблативная”

(по Р. Бирду, см. [5]) функция принадлежности / происхождения (от лица, группы лиц, территории / места, литературного источника), с развитием значения ‘происходящий от, принадлежащий’ > ‘обладающий свойствами’.

Отдельный интерес при сравнении различных языков может представлять связь устройства словообразовательных систем с типом морфемики (флективный vs. агглютинативный язык).

При этом, по всей видимости, следует отличать некоторые общие (универсальные) тенденции, которые фиксируются на частных (маргинальных) участках системы в различных языках. Так, помимо типов прилагательных “материала”, тенденцию к обособлению способны демонстрировать словообразовательные типы, имеющие в качестве основ числительные, ср. рус. *-як(ий)* (*двойкий*, *тройкий*) со словообразовательным значением ‘имеющий столько-то сторон’ [7, с. 711–712], нанайские “относительно-количественные” прилагательные на *-рсо*, *-рсу*, ср. нан. *иларсу* ‘трехслойный’ [10, с. 222] и аналогичные орокские прилагательные с суффиксом *-су*, ср. орок. *иласу* ‘трехрядный’ [14, с. 253]. Однако подобные частные особенности не позволяют говорить об особом строении всей словообразовательной системы языка.

В словообразовании прилагательных тунгусо-маньчжурских языков, напротив, сосуществуют две функционально важные области, организованных по разным принципам. С одной стороны, заметную роль в нем играет проанализированный нами классификаторный принцип. С другой стороны, множество производных прилагательных образуется по обычным типам с распространенными во многих языках словообразовательными значениями, хорошо описанными в традиционных обзорах (см. перечень в начале данной статьи). Так, в тунгусо-маньчжурских языках фиксируются производные относительные прилагательные принадлежности, качественные прилагательные подобия, обладания (качественно-посессивные), отглагольные прилагательные с результирующим значением, со значением склонности к действию (*dispositional adjectives*), со значением признака по способности провоцировать действие и нек. др. Следует констатировать, что, в отличие от подсистемы с классификаторным принципом, эта область обнаруживает много ясных семантических параллелей в соседних языках алтайской семьи (ср., напр., словообразование прилагательных в бурятском и других монгольских языках [32, с. 98–125]; [33, с. 71–101]; [28, с. 240–245, 252–255]).

Сформулируем заключительные выводы.

Словообразование прилагательных в тунгусо-маньчжурских языках отличается некоторыми особенностями, которые побуждают уточнить критерии семантического анализа и межъязыкового сравнения (типологического описания) адъективной деривации в языках мира. Наряду с традиционной формально-содержательной “сеткой” (‘формант ~ значение форманта’) целесообразно рассматривать в качестве отдельного параметра семантическую селекцию производящих основ (корреляцию ‘формант / словообразовательный тип ~ семантический класс производящих основ’). Селекция основ может приводить к появлению в языке адъективных формантов, “специализирующихся” на производящих основах конкретного семантического класса, например, особых суффиксов прилагательных ‘материала’ или ‘цвета’, как в тунгусо-маньчжурских языках. Поскольку значение ‘материала’ или ‘цвета’ в этом случае присуще уже самой производящей основе, суффиксы в этом случае можно рассматривать как семантически нейтральные “адъективизаторы” (с наиболее общим значением ‘признака, имеющего отношение к тому, что обозначено основой’). При наличии в системе заметного количества адъективизаторов, специализирующихся на основах определенной семантики, можно говорить о существовании своего рода “классификаторного” принципа в адъективной деривации.

То, на каких именно семантических признаках базируется селекция основ, представляет предмет отдельного типологического интереса. В тунгусо-маньчжурских языках прослеживается своеобразная специализация суффиксов на основах с “перцептивными” признаками (‘цвет’, ‘вкус’, ‘запах’ и т.п.), а также на основах с другими видами “ядерной” адъективной семантики. Эта особенность имеет некоторые типологические параллели, но не обнаруживает явных аналогов в соседних языках алтайской семьи и требует ареального-исторического исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

баск. — баскский
 бур. — бурятский
 калм. — калмыцкий
 каталан. — каталанский
 маньчж. — маньчжурский
 монг. — монгольский
 нан. — нанайский

орок. — орокский
 ороц. — ороцкий
 польск. — польский
 португ. — португальский
 рус. — русский
 удэг. — удэгейский
 ульч. — ульчский
 швед. — шведский
 эвен. — эвенский
 эвенк. — эвенкийский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gaeta L. Word formation and Typology: Which Language Universals? // Mediterranean Morphology Meetings, Proceedings of the Mediterranean Morphology Meetings. 2003. Vol. 4. P. 157–169.
2. Štekauer P., Lieber R. (eds.) The Oxford Handbook of Derivational Morphology. Oxford: Oxford University Press, 2014.
3. Štekauer P., Lieber R. (eds.) Handbook of Word-formation. Dordrecht: Springer, 2005.
4. Müller P.O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.) Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2015.
5. Beard R., Volpe M. Lexeme-Morpheme Base Morphology // Štekauer P., Lieber R. (eds.). Handbook of Word-formation. Dordrecht: Springer, 2005. P. 189–203.
6. Fábregas A. Adjectival and Adverbial Derivation // The Oxford Handbook of Derivational Morphology Edited by Rochelle Lieber and Pavol Štekauer Print Publication Date: Sep 2014. Online Publication Date: Mar 2015. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199641642.013.0016
7. Лопатин В.В., Улханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр “Азбуковник”, 2016.
8. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта, 2012.
9. Степанова М.Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. Под руководством М.Д. Степановой. Авторы: А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурясов, А.И. Руфьева, М.Д. Степанова. М.: Русский язык, 1979.
10. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Том 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
11. Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз Наркомпроса РСФСР, 1940.

12. Гурфанова А.Х. Категория прилагательного в удэгейском языке // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2010. № 4. С. 83–92.
13. Горбунова В.А. Аффиксальное словообразование прилагательных в ульчском языке в сопоставлении с нанайским и орокским // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 222–234.
14. Озолиня Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: ГЕО, 2013.
15. Nedjalkov I.V. Evenki. London; New York: Routledge, 1997.
16. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen: Max Niemeyer, 1995.
17. Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
18. Аврорин В.А., Болдырев Б.В. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.
19. Кормушин И.В. Удыхейский (удыгейский) язык: Материалы по этнографии: Очерки фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998.
20. Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М., Л.: Наука, 1964.
21. Bulatova N., Grenoble L. Evenki. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
22. Сагайдачная А.О. Концепт цвета в удэгейском языке // Томский журнал лингвистики и антропологии. 2018. № 1 (19). С. 69–75.
23. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Издательство Министерства просвещения, 1947.
24. Benzing J. Lamutische Grammatik. Mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden: Steiner, 1955.
25. Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. (eds.) Adjective Classes. A Cross-Linguistic Typology. Oxford: University Press, 2004.
26. Levy P. Adjectives in Papantla Totonac // Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. (eds.) Adjective Classes. A Cross-Linguistic Typology. Oxford: University Press, 2004. P. 147–176.
27. Аврорин В.А. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000.
28. Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2001.
29. Wang Ch.-Ch., Robbeets M. The homeland of Proto-Tungusic inferred from contemporary words and ancient genomes // Evolutionary Human Sciences. 2020. № 2, E 8. doi:10.1017/ehs.2020.8
30. Siska M., Jones E.R., Jeon S., Bhak Y.J., Kim H.-M., Cho Y.S., Kim H., Lee K., Veselovskaya E., Balueva T., Gallego-Llorente M., Hofreiter M., Bradley D.G., Eriksson A., Pinhasi R., Bhak J., Manica A. Genome-wide data from two early Neolithic East Asian individuals dating to 7700 years ago // Science Advances. 2017. № 3 (2). doi: 10.1126/sciadv.1601877
31. Gorelova L.M. (ed.) Manchu grammar. Boston; Köln: Brill, 2002.
32. Санжеев Г.Д. (ред.) Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Под ред. Г.Д. Санжеева. М.: Издательство Восточной литературы, 1962.
33. Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1964.

REFERENCES

- Gaeta, L. Word formation and Typology: Which Language Universals? Mediterranean Morphology Meetings, Proceedings of the Mediterranean Morphology Meetings. 2003, Vol. 4, pp. 157–169.
- Štekauer, P., Lieber, R. (eds.) The Oxford Handbook of Derivational Morphology. Oxford, Oxford University Press, 2014.
- Štekauer, P., Lieber, R. (eds.) Handbook of Word-formation. Dordrecht, Springer, 2005.
- Müller, P.O., Ohnheiser, I., Olsen, S., Rainer, F. (eds.) Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2015.
- Beard, R., Volpe, M. Lexeme-Morpheme Base Morphology. Štekauer, P., Lieber, R. (eds.) Handbook of Word-formation. Dordrecht, Springer, 2005, pp. 189–203.
- Fábregas, A. Adjectival and Adverbial Derivation. The Oxford Handbook of Derivational Morphology. Ed. by R. Lieber and P. Štekauer. Print Publication Date: Sep 2014. Online Publication Date: March 2015. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199641642.013.0016
- Lopatin, V.V., Uluchanov, I.S. Slovar slovoobrazovatelnykh affiksov sovremennogo russkogo jazyka [The Dictionary of Derivational Affixes of the Contemporary Russian Language]. Moscow, Publishing Center “Azbukovnik”, 2016. (In Russ.)
- Zemskaya, E.A. Sovremennyy russkij jazyk. Slovoobrazovanije [Contemporary Russian Language. Word-Formation]. Moscow, Flinta Publ., 2012. (In Russ.)
- Stepanova, M.D. Slovar slovoobrazovatelnykh elementov sovremennogo nemeckogo jazyka [The Dictionary of Derivational Elements of the Contemporary German Language]. Ed. by Stepanova, M.D. Authors: A.N. Zuev, I.D. Molchanova, R.Z. Murjasov, A.I. Ruffjeva, M.D. Stepanova. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1979. (In Russ.)
- Avrorin, V.A. Grammatika nanajskogo jazyka. Foneticheskoje vvedenije I morfologija imennykh chastej rechi [Grammar of the Nanai Language. Introduction to Phonetics and Morphology of Nominal Parts of

- Speech]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of USSR, 1959. (In Russ.)
11. Vasilevich, G.M. *Oчерк grammatiki evenkijskogo (tungusskogo) jazyk* [A Sketch Grammar of Evenki (Tungus) Language]. Leningrad, Uchpedgiz Narkomprosa RSFSR Publ., 1940. (In Russ.)
 12. Girfanova, A.Kh. *Kategorija prilagatel'nogo v udegejskom jazyke* [The Category 'adjective' in the Udege Language]. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. Ser. 9, 2010, No. 4, pp. 83–92. (In Russ.)
 13. Gorbunova, V.A. *Affiksialnoje slovoobrazovanie prilagatelnykh v ulchskom jazyke v sopostavlenii s nanaiskim i orokskim* [Adjective Derivation Through Affixation in the Ulch Language in Comparison with Nanai and Oroch Languages]. *Sibirskij filologičeskij žurnal* [Siberian Philological Journal]. 2021, No. 2, pp. 222–234. (In Russ.)
 14. Ozoliņa, L. *Grammatika orokskogo jazyka* [A Grammar of the Oroch Language]. Novosibirsk, GEO Publ., 2013. (In Russ.)
 15. Nedjalkov, I.V. *Evenki*. London; New York: Routledge, 1997.
 16. Schützeichel, R. *Althochdeutsches Wörterbuch*. Tübingen, Max Niemeyer, 1995.
 17. Petrova, T.I. *Jazyk orokov (ulta)* [The language of Oroks (Ulta)]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. (In Russ.)
 18. Avrorin, V.A., Boldyrev, B.V. *Grammatika orochskogo jazyka* [A Grammar of the Oroch Language]. Novosibirsk, Publishing house of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 2001. (In Russ.)
 19. Kormushin, I.V. *Udehejskij (udygeiskij) jazyk: Materialy po etnografii: Oчерki fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar* [Udege Language. Materials on Ethnography. Essays on Phonetics and Grammar. Texts and Translations. Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1998. (In Russ.)
 20. Konstantinova, O.A. *Evenkijskij jazyk. Phonetics. Morphology* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. (In Russ.)
 21. Bulatova, N., Grenoble, L. *Evenki*. München, Newcastle, LINCOM Europa, 1999.
 22. Sagajdachnaya, A.O. *Kontsept tsveta v udygejskom jazyke* [The Concept of Color in the Udege Language]. *Tomskij žurnal lingvistiki i antropologii* [Tomsk Journal on Linguistics and Anthropology]. 2018, No. 1 (19), pp. 69–75. (In Russ.)
 23. Tsintsius, V.I. *Oчерк i grammatiki evenskogo (lamutskogo) jazyka. Fonetika i morfologija* [A Sketch Grammar of the Even (Lamut) Language. Phonetics and Morphology]. Leningrad, Publishing House of the Ministry of Education, 1947. (In Russ.)
 24. Benzing, J. *Lamutische Grammatik. Mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar*. Wiesbaden, Steiner, 1955. (In German)
 25. Dixon, R.M.W., Aikhenvald, A.Y. (eds.) *Adjective Classes. A Cross-Linguistic Typology*. Oxford, University Press, 2004.
 26. Levy, P. *Adjectives in Papantla Totonac*. Dixon, R.M.W., Aikhenvald, A.Y. (eds.) *Adjective Classes. A Cross-Linguistic Typology*. Oxford, University Press, 2004, pp. 147–176.
 27. Avrorin, V.A. *Grammatika manchurskogo pismennogo jazyka* [A Grammar of the Manchu Written Language]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. (In Russ.)
 28. Trofimova, S.M. *Imenyje chasti rechi v mongolskikh jazykakh* [Nominal Parts of Speech in Mongolian Languages]. Ulan-Ude, Publishing house of the Buryat State University, 2001. (In Russ.)
 29. Wang, Ch.-Ch., Robbeets, M. The homeland of Proto-Tungusic inferred from contemporary words and ancient genome. *Evolutionary Human Sciences*. 2020. № 2, E 8. doi:10.1017/ehs.2020.8
 30. Siska, M., Jones, E.R., Jeon, S., Bhak, Y.J., Kim H.-M., Cho, Y.S., Kim, H., Lee, K., Veselovskaya, E., Balueva, T., Gallego-Llorente, M., Hofreiter, M., Bradley, D.G., Eriksson, A., Pinhasi, R., Bhak, J., Manica, A. Genome-wide data from two early Neolithic East Asian individuals dating to 7700 years ago. *Science Advances*. 2017, No. 3 (2). doi: 10.1126/sciadv.1601877
 31. Gorelova, L.M. (ed.) *Manchu grammar*. Boston; Köln, Brill, 2002.
 32. Sanzheev, G.D. (ed.) *Grammatika burjatskogo jazyka. Fonetika i morfologija* [A Grammar of the Buryat Language. Phonetics and Morphology]. Moscow, Publishing house of Eastern literature, 1962. (In Russ.)
 33. Dondukov, U.-Zh.Sh. *Affiksialnoje slovoobrasovanie chastej rechi v burjatskom jazyke* [Derivation of Parts of Speech Through Affixation in the Buryat Language]. Ulan-Ude, Buryat publishing house, 1964. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 7 ноября 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 декабря 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2022 г.

Дата публикации: 28 февраля 2023 г.

Received by Editor on November 7, 2022

Revised on December 1, 2022

Accepted on December 15, 2022

Date of publication: February 28, 2023